

*С.Ф. Блуменау**

**ПРОБЛЕМА СЕНЬОРИАЛЬНЫХ ПРАВ В НАЧАЛЕ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
ЗАКОН 3 МАЯ 1790 ГОДА**

Статья посвящена закону от 3 мая 1790 г., определившему размеры крестьянских платежей за выкупаемые сеньориальные права, его практической реализации и отношения к этому деревенской массы. Существенные расхождения между пожеланиями крестьян и аграрным законодательством Учредительного собрания внесли свою лепту в расшатывание либеральных политических порядков, установленных Конституцией 1791 г.

Ключевые слова: история Нового времени, Франция, Французская революция XVIII в., Учредительное собрание, сеньориальные права.

В предреволюционной французской деревне господствовал сеньориальный строй. Подавляющее большинство крестьян должно было вносить платежи стоящим над ними сеньорам. Но в XVII в. сельскую массу куда больше заботил мощный фискальный натиск со стороны государства. Он порождал яростное сопротивление, частые и порой длительные восстания. Сеньориальные порядки не вызывали такого протеста: они были привычными, укоренившимися, освящались традицией. К сеньору-дворянину относились с почтением, как к человеку, обладавшему высоким социальным статусом. В Средние века он нередко выступал защитником крестьян, которые, особенно в годину бедствий, нуждались в помощи и покровительстве.

Ситуация принципиально изменилась в XVIII в. Дворяне-сеньоры покидали сельскую местность, селились в близлежащих городах или в Париже, и патриархальные связи, соединявшие их с деревенским людом, разрывались. Между тем владельческие права крестьян на их земельные участки расширились, по налоговым документам они прохо-

** Семен Федорович Блуменау, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.*

дили как собственники, чувствовали себя хозяевами. В этом контексте необходимость отдавать в счет повинностей средства, которые можно было бы инвестировать в собственное хозяйство, раздражали селян. Раздражение обратилось в ненависть, когда на них обрушилась «сеньориальная реакция» – требование платежей по давно забытым правам, захваты общинных земель, пренебрежение к коллективным сервитутам.

Соединение этих факторов делало сельское сообщество восприимчивым к критике существовавших порядков, развернувшейся во Франции во второй половине XVIII в. Эта критика в упрощенной, адаптированной форме доходила до активной части деревенских жителей, вступавших в контакты с горожанами и продавцами лубочной литературы. Росту социально-политического сознания крестьян способствовали многочисленные судебные процессы с сеньорами, которые они вели. Адвокаты сельских общин порой публиковали отчеты о заседаниях суда, в которых, отталкиваясь от частных конкретных случаев, поднимались до выводов, выставивших в неприглядном свете сеньориальный строй. При посредстве своих доброжелателей и глашатаев из интеллигентской среды крестьяне все отчетливее понимали несправедливость сословного общества и сеньориальной системы.

Устремления крестьян еще до революции корреспондировали с либеральными воззрениями, утвердившимися в юридической науке. И сельские массы, и просвещенное правосознание выводили мэнморт (ограничение владельческих прав, особенно в наследовании имущества), исключительные права сеньоров, баналитеты – монополию на мельницы, хлебные печи, виноградные прессы, кузницы, бойни и сеньориальную юстицию из прежних узурпаций и насилия. Эти «права» подчеркивали сословное неравенство крестьян, носили несправедливый, порой унижительный и оскорбительный характер.

Другое дело – такие платежи, как ценз и шампар. Считалось, что они имели истоком первоначальную уступку сеньором земли держателю и потому складывавшиеся в данной связи отношения приравнивались к частнособственническим. Это умеряло претензии крестьян к ним, что находило отражение в сельских приходских наказах. Ценз и шампар упоминали не так часто, а главное, здесь соглашались на их выкуп, не настаивая на безвозмездной отмене.

Наибольшему оспариванию со стороны крестьян подверглись именно те повинности, которые не принимались общественным мнением и выглядели в его глазах настоящим произволом. Об этом свидетельствуют данные по провинции Шампань, приводимые крупным француз-

ским историком Р. Шартье, и анализ 428 приходских наказов по всей стране, осуществленный американцем Дж. Тейлором. В Шампани сильнейшая «атака» направлялась против сеньориальной юстиции, осужденной в половине сельских наказов. В почти четвертой части отвергалось исключительное право охоты, а в 22% ставились под сомнение баналитеты¹. Тейлор дал иную «иерархию» протестов. По его подсчетам, 46% наказов обрушилось на исключительные права охоты и содержание голубятен, 21% – на баналитеты и 11% – на сеньориальную юстицию². Уязвимость этих прав в тогдашней юридической мысли и в умонастроениях общества придавали крестьянам смелости в борьбе с ними.

Растущее нетерпение крестьян до поры до времени не тревожило избранный депутатский корпус. Первоочередными его задачами были выработка Конституции и разрешение острейшей проблемы государственного долга. А поначалу все время уходило на вопросы, связанные с порядком работы Ассамблеи.

Крестьяне же все больше проникались «великой надеждой» на серьезные перемены. Восстание в Париже, увенчавшееся взятием Бастилии, и «муниципальная революция» в провинции подтолкнули деревенскую массу к выступлениям. «Первая жакерия» охватила в последнюю декаду июля и в начале августа 1789 г. восточные области Франции. С ней сомкнулись акции в ряде регионов страны, непосредственно вызванные паниками «великого страха». Селяне мобилизовались перед лицом предполагаемого нападения разбойников, за которых порой принимали стадо коров или нищих, подбиравших колоски. В их головах гнездились мысли о заговоре, а бродяги представлялись людьми, нанятыми аристократами срезать на корню хлеб, чтобы уморить народ голодом³.

Размах движения впечатлял. Отряды по 100–400 крестьян, но порой достигавшие и нескольких тысяч, устраивали «рейды» по замкам и монастырям. Главной их целью было уничтожение терье – бумаг сеньории, в которых перечислялись повинности и платежи цензитариев. Бунтари уничтожали документы или вырывали из описей и уносили с собой необходимые листы. Они разрушали, а то и сжигали замки – олицетворение дворянского могущества. При этом традиционная крестьянская осторожность не покидала их; восставшие пытались легити-

¹ Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 162.

² Taylor G. Les cahiers de 1789: Aspects révolutionnaires et non-révolutionnaires // Annales. Économies. Sociétés. Civilisations. 1973. № 6. P. 1513.

³ Lefebvre G. La Grande Peur. P., 1932. P. 74–77, 171.

мизировать свои «походы». Одни искренне верили, что король и Собрание поддерживают такие действия, и стремились убедить в этом окружающих; другие развешивали фальшивые объявления от имени Людовика XVI, якобы позволявшие им требовать сеньориальные документы, а в случае непослушания сжигать замки⁴. Часть держателей предпочитала «тихий» саботаж: неуплату повинностей и десятин. Широко распространились контрабанда и охота.

События заставили Собрание действовать незамедлительно. Некоторые депутаты склонялись к идее репрессий. Но конституционалистское большинство избрало иной путь – курс на реформирование отношений, связанных с сеньорией. На этом особенно настаивало либеральное дворянство, лучше знавшее и понимавшее обстановку во французской деревне. Оно, конечно, опасалось за сохранность своего имущества. Вместе с тем предложенные реформы соответствовали сложившемуся перед революцией правосознанию и собственным воззрениям парламентариев. Одновременно они понимали, что отказ от реформ чреват разрывом миллионов людей с разворачивающимся революционным движением.

Это и предопределило решение о будущем сеньориальных порядков 4 августа – в знаменитую «ночь чудес». Ведущими ораторами по этой теме стали виконт де Ноай и герцог д'Эгийон. Первый высказался за отмену сеньориальной барщины, права мертвой руки и других повинностей, проистекающих из личной власти сеньора (иначе говоря – личных), без возмещения. Второй рассматривал «феодалные и сеньориальные права как своего рода тягостную дань, вредящую земледелию и опустошающую поля», но тут же замечал, «что права эти представляют из себя настоящую собственность и, будучи таковой, являются ненарушенными». Выход из такого противоречия – «считать эти повинности подлежащими выкупу в случае соответствующего желания со стороны обязанных их исполнением»⁵.

После двух знатных дворян законодатели стали выдвигать одно за другим положения по широкому спектру вопросов. Они были призваны покончить со сложившимся в государстве и в обществе неравенством, отвергнуть сеньориальную систему и сословный строй.

После ночи воодушевления потребовалась еще целая неделя для превращения отдельных «сырых» предложений в цельный закон. Но

⁴ Ibid. P. 112.

⁵ Документы истории Великой французской революции. М., 1992. Т. 2. С. 9–12.

уже на следующий день, 5 августа граф Монморанси зачитал проект декрета, в котором наряду с идеей гражданского равенства и другими темами поднимались вопросы, касавшиеся судебных сеньориального строя. Согласно проекту безвозмездно упразднялись мэнморт, барщины, другие формы личной зависимости. Без всяких условий отменялись исключительные права сеньоров – охоты, рыбной ловли, содержание голубятен и кроличьих садков. Отдельный пункт посвящался уничтожению сеньориальной юстиции. Ценз, шампар и схожие права, проходившие под другими названиями, подлежали выкупу, как и те платежи, что взимались при переходе держаний из рук в руки (казуальные). Предлагалось выкупать и баналитеты. Седьмая статья подготовленного документа объявляла также выкупаемыми десятины всякого рода⁶.

Обсуждение проекта проходило совсем не гладко. Острая полемика развернулась вокруг церковной десятины. Упразднение остатков личной зависимости стало для крестьян важным шагом к желанному равноправию, но оно не улучшало существенно их материальное положение. Между тем церковная десятина отбирала у селян не менее 7–8% их совокупного дохода. Она была и крайне уязвимой в свете правовых представлений общества. Церковная десятина не могла проистекать из первоначальной уступки земли, а выглядела обыкновенным налогом на нужды культа, уплачиваемым напрямую духовенству. Но ведь налог мог быть заменен другим, менее обременительным и шедшим непосредственно в казну. Именно с таких позиций выступали сторонники безвозмездной отмены церковной десятины. При этом депутат Шассе отделял от нее десятину инфеодизированную, которую получал светский сеньор. По закону от 11 августа инфеодизированные десятины подлежали выкупу, а церковные – упразднялись без возмещения.

Решения 4–11 августа по разному трактовались крестьянами и властями. Бывшие цензитарии отталкивались от первой строки знаменитого августовского декрета, объявлявшей, что «Национальное собрание уничтожает феодальный порядок», и не желали вникать в его дальнейшее содержание. Многие из них отказывались платить по каким-либо сеньориальным правам. Либеральное большинство депутатского корпуса разделяло повинности на личные – безвозмездно упраздняемые и так называемые реальные, подлежащие выкупу. Оно готово было к compro-

⁶ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1787–1799) (Далее – AP). P., 1862–1913. Т. 1–82; Т. 8. P. 352.

миссу с сеньорами, но на реформаторской основе, предлагавшей отмену того, что связано с сословной приниженностью крестьян, и с сохранением основных поземельных прав, которые лишались своей прежней феодальной формы, ассимилировались с частной собственностью и проистекавшими из нее отношениями.

Таким был принципиальный подход Конституанты. Трудности возникали при разработке конкретных мер. Следовало разобраться во множестве по-разному называемых повинностей, окончательно определиться с номенклатурой личных и реальных прав, принять во внимание региональную и местную вариативность кутюмов (норм обычного права). Необходимо было продумать процедуру выкупа и назначить его цену.

Власть все больше осознавала значимость поднятых вопросов. Для подготовки соответствующих законов и был создан Феодальный комитет Учредительного собрания. Его наиболее заметными фигурами стали видный февдист Мерлен из Дуэ и пожилой (1726 г. рождения), но неутомимый (работал в шести комитетах) парижский юрист Тронше.

Дополнительное ускорение начавшимся реформам придала «вторая жакерия», развернувшаяся на юго-западе и западе страны зимой 1789–1790 гг. Целью восставших крестьян было утвердиться в качестве равноправного субъекта французского общества и сбросить с себя бремя сеньориальных платежей. Они сбивали с башен дворянских замков флюгеры, свидетельствовавшие о недавнем могуществе сеньоров, уничтожали церковные скамьи, на которых те вольготно располагались, высаживали «майские деревья» – символы освобождения. Бунтовщики заставляли сеньоров отречься от своих прав и даже брали расписки за якобы внесенные платежи⁷.

Законодатели пошли на ряд уступок крестьянству. Безвозмездно ликвидировалось право господ получать от держателей плату за торговые сделки со скотом и хлебом. Прежние цензитарии не должны были платить бывшим сеньорам за пользование дорогами, каналами, право держать собаку и некоторые другие действия. Наиболее значимой для крестьян в материальном плане стала отмена сеньориальных баналитетов на печи, мельницы, виноградные прессы, бойни, кузницы. Монополия сеньоров на мельницы отнимала у селян обычно 1/16 урожая, а на виноградный пресс в два раза больше. При этом держатели-виноградари не только отдавали 1/8 собранного, но и должны были в угоду

⁷ *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С.132–133.

господам торговать вином в невыгодное для себя время, когда товара много и цена на него снижается.

Важной задачей Собрания стала подготовка широкого закона, который, с одной стороны, покончил бы с пережитками сеньориального строя и соответствующей терминологией, а с другой – защитил основные имущественные интересы сеньоров. В этой связи Тронше объявил о подходах Феодального комитета к проблеме. По его словам, «комитет стремился никогда не упускать из виду два принципа: первый – что надо вооружиться наибольшей строгостью против прав, противоположных естественной свободе; второй – что следует до щепетильности довести уважение к собственности»⁸.

Проект декрета был обнародован 8 февраля, обсуждался Ассамблеей и без серьезных изменений был принят 15 марта 1790 г. По новому закону уходила в прошлое вассально-ленная система и сюзерен терял в отношении бывшего вассала, собственника фьефа все права, происходящие из своего высокого положения и власти. Да и сами эти, идущие от Средневековья определения – сюзерен, вассал, фьеф – должны были исчезнуть. Точно также следовало говорить только о бывших сеньорах и цензитариях и о прекратившей существование цензиве. Что же касалось собственно имущественных обязательств прежних вассалов в отношении сюзеренов и держателей в отношении сеньоров, то они приравнивались к обыкновенной поземельной ренте. При этом плательщику разрешалось ее выкупить.

Между тем закон 15 марта создавал бывшим сеньорам благоприятные условия для отстаивания их интересов. Пострадавшим от пожаров и грабежей в ходе крестьянских выступлений, когда сгорели или пропали сеньориальные описи, достаточно было свидетельских показаний либо документов, удостоверявших тридцатилетнее пользование правами, чтобы доказать правомерность своих материальных претензий. Разрешалось оспорить и свой отказ от повинностей под давлением или насилием. Для этого не требовалось даже судебного решения, достаточной считалась жалоба, поданная в течение трех лет⁹.

Декрет 15 марта носил общий характер. Для того чтобы перевести затрагиваемые им вопросы в практическую плоскость, следовало оговорить процедуру выкупных операций и цену выкупа. В этом были жизненно заинтересованы и власти: во-первых, соответствующий де-

⁸ AP. T. 11. P. 726.

⁹ Документы... Т. 2. С.15.

крет должен был успокоить миллионы французов и стабилизировать положение в стране; во-вторых, само государство сделалось получателем платежей, поскольку к нему переходили владения и сеньориальные права церкви и короны.

28 марта Тронше от имени Феодального комитета представил доклад¹⁰, на основании которого и будет принят закон от 3 мая 1790 г. Документ состоял из трех частей. В первой обосновывалась правомерность предложений Комитета и критически разбирались сообщения оппонентов, во второй план реформы приводился в виде резюме, а в третьей конкретно формулировались 54 статьи будущего декрета.

Тронше отрицательно отнесся к проектам, направленным в Комитет и тяготевшим либо к серьезным послаблениям держателям в деле выкупа повинностей, либо и вовсе к их полной отмене. Автор одного из таких посланий предлагал Нации (то есть государству) отказаться от предназначенных ей цензуальных и феодальных платежей. Предполагалось, что это подтолкнет остальных владельцев прав освободить от них своих вассалов и цензитариев. Имелись и другие варианты: речь шла, например, о безвозмездном упразднении повинностей, связанным с королевским доменом, с приобретениями аффеажистов (лиц, освоивших заброшенные земли и получивших над ними контроль), с владениями, подпадавшими под право «мёртвой руки». Что до остальных сеньоров, то они могли рассчитывать лишь на частичную компенсацию, поскольку, по мысли авторов проектов, уже выиграли благодаря отмене церковной десятины¹¹.

Со своей стороны, Тронше непреклонно и последовательно отстаивал тезис тогдашней юридической науки, что реальные повинности вытекают из права частной собственности, а значит, при выкупной операции должны быть оплачены в полной мере. Он ссылаясь на 17-ю статью «Декларации прав человека и гражданина», предусматривавшую, что лишение гражданина его собственности по общественной необходимости требует справедливого возмещения. По его мнению, выкуп сеньориальных прав – это именно тот случай. Собственника прав принуждали к выкупной операции, хотя он, возможно, желал оставить все без изменений и дальше получать ежегодные платежи¹².

¹⁰ AP. T. 12. P. 387–401.

¹¹ Ibid. P. 388.

¹² Ibid. P. 391.

Добиваясь справедливого возмещения, Тронше исходил из рыночных реалий. Он полагал, что рассматривать сумму выкупа основных, фиксированных повинностей (шампара и других), отталкиваясь, как это нередко делали, от двадцатого денье (то есть умножая ежегодные взносы на 20), несправедливо. Это неверно при уплате выкупа зерном или другим продовольствием. Ведь цены на продукцию растут, повышая состояние держателя цензивы. Поэтому выкуп должен быть бóльшим, приближаться к текущей цене фондов¹³.

Докладчик Комитета проявил себя не только знатоком правовой теории, но и проницательным практиком, способным предугадать пути нарушения разрабатываемого закона и помешать этому. Речь шла о предотвращении мошенничества, связанного с выкупом случайных прав. Договор о продаже цензивы мог быть обнародован через пару лет после реальной сделки, что давало возможность продавцу не платить бывшему сеньору по казуальным правам (то есть за операцию продажи участка), поскольку к этому времени выкуп данных повинностей уже состоялся. Но даже и без мошенничества продавцы после выхода закона оказались бы предупреждены и подождали бы со сделкой до внесения выкупа, чтобы лишний раз не платить прежнему вышестоящему собственнику. Поэтому Тронше настоял на дополнительном пункте о продлении на два года после введения закона в жизнь времени действия казуальных платежей, несмотря на то, что выкуп уже был совершен¹⁴.

При разработке нового декрета парижский юрист стремился предугадать возможные правонарушения. Но двигали ли им только высокие профессиональные качества? Похоже, что в спорах по сложной и острой аграрной проблеме он был далек от позиции арбитра, явно поддерживая одну из сторон. Показательно, что, призывая депутатов поторопиться, Тронше сетовал на промедление, мешающее желающим приобрести бывшие церковные и домениальные земли за счет выкупных платежей¹⁵. Именно с этими людьми – бывшими сюзеренами и сеньорами, а не с крестьянами, пусть даже крепкими и богатыми, он связывал грядущие перемены в деревне. Эту особенность в настроениях политика охарактеризовал Н.И. Кареев: «Тронше, слишком гнувшийся в сторону владельцев феодальных прав»¹⁶.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 396, 401.

¹⁵ Ibid. P. 393.

¹⁶ Кареев Н.И. Великая французская революция. М., 2003. С. 233.

Социальные пристрастия Комитета смыкались с политическими расчетами. Отталкиваясь от мысли о передаче на места, в департаменты вопроса о ставках выплат по случайным правам, докладчик привел ряд возражений. Тронше указывал на подчинение тех или иных частей департаментов разным кутюмам; он ссылаясь на загруженность будущих департаментских ассамблей, на вероятность протестов по поводу их решений. Аргументы депутата не выдерживали критики: само собрание задыхалось от множества государственных проблем, оно тоже не было застраховано от нападков, а различий, с точки зрения обычного права, по стране оказывалось, конечно, больше, чем в рамках отдельного департамента. В этих условиях передача вышеуказанной функции департаментским органам высвободила бы Ассамблее время для занятия главным – созданием Конституции. Одновременно такая акция приблизила бы людей, принимающих решения, к эпицентру событий – французской деревне.

В этих рассуждениях Тронше постепенно раскрывался политический подтекст. По его мнению, передать отдельные функции на места – значит «вбросить в первичные избирательные собрания, в формирование административных ассамблей и в управление ими зерно слишком опасного раздора»¹⁷. Здесь проявилось недоверие либеральной Конституанты, избранной ещё по сословиям, к новым органам власти, формирующимся на бессловной основе и представляющим более демократические и радикальные слои. Тронше и его коллеги опасались, что департаментские ассамблеи пойдут по пути некоторых муниципалитетов и займут, по меньшей мере, неоднозначную позицию в вопросе выкупа сеньориальных прав.

Будущий закон предписывал правила выкупа и его стоимость. Важное значение имела его третья статья: «Ни один собственник фьефов или отягощенных цензом недвижимых имуществ не может выкупить лежащих на фьефе или участке оброков и годовых платежей без того, чтобы не выкупить одновременно и временных и случайных прав»¹⁸. Понятно, что одновременный выкуп ежегодных повинностей и казуальных прав выгоден сюзерену и сеньору, которые получали всю сумму разом и избегали постепенной и длительной выкупной операции. Для собственников же фьефов и цензуальных земель такая двойная нагрузка, несомненно, тяжела, а для последних нередко и неподъемна.

¹⁷ AP. T.12. P. 393.

¹⁸ Документы... Т. 2. С. 16.

Особенно нелегко приходилось тем собственникам, которые являлись совладельцами недвижимости и соответственно обременялись солидарными платежами. Выкупать только свою долю они по закону не имели права. Возможны были два варианта: либо все выкупали повинности одновременно, либо один платил за всех, становясь тогда кредитором по отношению к ним. В последнем случае указанный земледелец мог выкупить временные права уже отдельно, не платя за совладельцев.

Строгие правила выкупа предписывались для тех, кто не желал договориться полюбовно. Но в законе имелась шестая статья, предусматривавшая возможность добровольного соглашения. «Собственники фьефов и цензуальных земель имеют право в случае желания вступить в соглашения с собственниками сеньорий, от которых они зависят, касательно как выкупа ежегодных платежей, так и временных прав, за суммы и на условиях, какие они найдут для себя подходящими»¹⁹. В этом были заинтересованы не только те, кто выкупал права, но и те, кто получал выкуп. Вчерашние сеньоры не чувствовали себя уютно. Массовая неуплата повинностей подталкивала часть из них к договорам с собственниками фьефов и цензитариями, понятно, на облегченных для тех условиях.

Относительно выкупа ежегодных фиксированных повинностей Комитет установил следующие нормы:

а) годовые платежи зерном, птицей, маслом, сыром, другими продуктами и в форме части от урожая должны умножаться на 25;

б) денежные повинности выкупались на основе своей 20-кратной стоимости;

в) реальные барщины компенсировались так же.

Конечно, суммы выкупа для разных регионов Франции получались совсем не одинаковые. На севере и в Парижском районе сохранившиеся фиксированные повинности были куда менее обременительными, чем во многих других местах. В Нормандии, в областях Брэ и Ко они составляли соответственно 3% чистого продукта²⁰ и менее 2% урожая (брутто)²¹. Но ситуация была существенно иной в ряде районов юго-запада, в Бретани, в Центральном массиве, а также во Франш-Конте и Бургундии. Платежи могли достигать 15, а то и 20% от собранного урожая. Здесь выкуп только регулярных повинностей, составлявший

¹⁹ Там же. С. 16–17.

²⁰ *Goujard Ph.* L'abolition de la féodalité dans le district de Neufchâtel (Seine-Inférieure) // *Contributions à l'histoire paysanne de la révolution française.* P., 1977. P. 357.

²¹ *Lemarchand G.* La Fin du féodalisme dans le pays de Caux. P., 1989. P. 52.

20–25-кратную стоимость годовых платежей, становился очень тяжелым даже для середняков, тем более, что о никаком кредитовании крестьян речь не шла.

Среди случайных прав главное место занимали платежи, связанные с продажей участка земли. С этой сделки продавец-держатель передавал сеньору в одних районах страны большую плату, достигавшую даже $1/2$ стоимости земли, а в других, – опускавшуюся, порой, до $1/13$ её цены. Феодальный комитет распределил все случаи на семь классов: от половины цены участка до $1/12$. Более низкая доля не устанавливалась, поскольку не имела значения для частоты продаж. Чем выше оказывались казуальные платежи, тем реже продавалась земля. С каждым классом соотносился средний срок продаж, кратный пяти годам. Для первого класса период составлял 80 лет, для второго – 75, для последнего седьмого – 50 лет. После этого определялась весомость условного годового казуального платежа, для чего цена случайных прав делилась на соответствующий по шкале срок от 80 до 50 лет. Затем, чтобы узнать суммы выкупных платежей по казуальным повинностям, следовало определить множитель (денье), который ориентировался бы на текущую цену цензив и фьефов. Тронше предлагал усредненный для всей Франции множитель в 25 раз²².

Выкуп случайных прав исчислялся так: сумма, вносимая в соответствии с кутюмами сеньору, делилась на срок продаж и умножалась на 25²³. Поскольку числитель и знаменатель дроби всегда были кратными 5 ($25/80$; $25/75$; $25/50$), то они подвергались сокращению. Для первого класса по шкале предлагаемого закона выкуп составлял, таким образом, $5/16$ от половины стоимости земли, то есть $5/32$ цены участка. Для второго – $1/3$ от трети стоимости земли, то есть $1/9$ цены участка и так далее по нисходящей. Большие платежи при высокой цене прав несколько умерялись редкостью продаж, но все равно оказывались существенно тяжелее тех, что проистекали из сравнительно низкой стоимости случайных повинностей. Для первого класса выкуп равнялся 15,625 % цены земли, тогда как для последнего, седьмого – $1/24$, то есть где-то 4,17 %.

Таким образом, там, где при Старом порядке казуальные платежи не были высокими, там и выкуп случайных прав обходился дешевле. В той же Нормандии, в области Ко он не мог быть большим, поскольку

²² AP. T. 12. P. 394

²³ Ibid.

ку при исчислении имели в виду, что временные права стоили продававшему землю крестьянину $1/13$ от цены участка²⁴. Другое дело – регионы к югу от Луары. Здесь казуальные платежи не опускались ниже $1/6$ цен земли, а часто обходились в четверть, а то и в половину её стоимости. Порой это делало земельные участки «недвижимыми»²⁵. Отсюда – весьма высокие выкупные цены по случайным правам.

Выкупать приходилось и другие временные права, также связанные с переходом земли из рук к руки, но уже не в результате её продажи. В этой связи казуальные платежи мало отличались друг от друга в разных провинциях и областях. За каждый такого рода переход земли обычно отдавали сумму, равную годовому доходу с неё. Но в одних районах взималась плата за любую перемену владельца участка и даже самого сеньора, а в других – в отдельных и специально оговоренных случаях. Выкупу подлежал больший или меньший спектр прав. С учетом возможных вариантов Тронше выделил пять классов, каждому из которых соответствовало свое исчисление.

В областях и местах, где взималась плата за любые перемещения земельной собственности, как со стороны вассала, так и со стороны сюзерена, выкуп взимался по максимуму: в размере ежегодного дохода с участка. Если по обычаю или установлению платежи следовали во всех случаях при перемещении земли вассала, включая наследование и дарение по прямой родственной линии, то выкупной платеж исчислялся в $5/7$ от ежегодного дохода. Там, где исключение из казуальных прав делалось для недееспособных и несовершеннолетних прямых родственников, взималось $5/8$ этого дохода. Если казуальные платежи вообще не распространялись на родных по прямой линии, то востребовался выкуп в $5/12$. А в случаях, когда временные права сеньора вступали в силу лишь при передаче земли родственникам по боковой линии, размер выкупа равнялся $5/18$ ²⁶.

Где оставшиеся сеньориальные повинности были тяжелыми, там и выкуп являлся дорогостоящим. Речь шла о территориях, на которых действовал принцип «нет земли без сеньора». В этих регионах, особенно на юго-западе Франции, последний чувствовал себя очень уверенно, располагал широкими возможностями. К его услугам были февдисты, помогавшие, разумеется, не безвозмездно обирать цензитариев.

²⁴ Lemarchand G. Op. cit. P. 28.

²⁵ Об этом см.: Блуменау С.Ф. Правовые отношения вокруг сеньории во Франции Старого порядка // Право: история, теория, практика. Вып. 3. Брянск, 1999. С.143.

²⁶ AP. T. 12. P. 395, 400.

С помощью разного рода ухищрений сеньоры заставляли крестьян отдавать в качестве повинностей намного больше положенного. Перед сельской массой встала бесперспективная альтернатива: тяжелейший выкуп прав или ежегодные большие платежи. И все это в разгар революции, сулившей, казалось бы, столько надежд.

Отсюда высокий градус недовольства и новые восстания крестьян – «третья жакерия» с октября 1790 по февраль 1791 г. В таких областях Юго-Запада, как Сентонж, Ангума, Перигор, Керси, Ажене восставшие селяне, часто возглавляемые местными муниципалитетами, действовали особенно упорно. В ряде районов департамента Ло (Керси) движение продолжалось с небольшими перерывами весь 1790 г. и позже – до осени 1791 г.

Сильное давление, притеснения, мошенничество прежних сеньоров, с одной стороны, усиливавшееся сопротивление крестьян, рост правосознания, оспаривание размеров повинностей и практики их взимания, с другой, – общая тенденция для юго-западных территорий. О ней зримо свидетельствовала записка Бушри из администрации дистрикта Барбезье (департамент Шаранта), посланная летом 1791 г. в Законодательный комитет Ассамблеи. Местный политик ссылался на разные бесчинства: «Сеньор увеличивает на треть, на четверть старинные меры для взимания повинностей, он уменьшает, сокращает величину журнала...» Таким образом, площадь земельных участков обманом увеличивалась и соответственно этому росли поборы. Вдобавок «сеньор, проверяя свои владения, включает в феодальную поземельную опись дороги, ручьи, которые не были включены в старые цензуальные договоры...» Отсюда – настояния крестьян показать им первоначальные акты. «Предъявите нам, говорят они своим так называемым сеньорам, ваши титулы, на которые вы ссылаетесь, верните мерам их прежние размеры, отдайте нам то, что мы уплатили сверх положенного, и мы готовы продолжать вносить повинности»²⁷.

Чтобы справиться с широкой волной крестьянского протеста, государство принимало меры тройкого свойства. Во-первых, предстояло срочно покончить с бунтами; во-вторых, предусматривалось некоторое облегчение выкупа для цензитариев, обязанных повинностями «Нации»; в-третьих, вотивались новые декреты, требовавшие уплаты сохранных прав.

²⁷ Документы... Т. 2. С. 181–182.

Что касается восстаний, то применялся разнообразный арсенал средств для их прекращения. В Керси королевские комиссары (одновременно депутаты Собрания) Робен и Годар в течение полутора месяцев вели нелегкие переговоры с мэрами и другими местными должностными лицами, что привело к умиротворению, впрочем, непродолжительному. В Ангумуа в июне 1791 г. директория департамента Шаранта, напротив, нацелилась на репрессии против восставших крестьян. Было решено назначить 4 комиссаров с поручением прекратить восстание, применяя в случае необходимости аресты. «И для того чтобы власти не подвергались опасности, собрание постановляет, что означенных комиссаров будут сопровождать шесть сотен вооруженных людей». При этом речь шла о широком задействовании регулярных войск: 250 человек, да ещё с 4 пушками²⁸.

Впрочем, наученная горьким опытом власть стремилась не доводить крестьян до мятежей, предупреждать их. Она шла на некоторые уступки по выкупным операциям. Но это касалось только тех случаев, когда в роли сюзерена, сеньора выступала «Нация». 14 ноября 1790 г. по предложению Тронше рассматривалась возможность раздельного выкупа случайных и регулярных прав²⁹. В тот же день соответствующий закон был принят. По нему разрешалось так же производить выкуп в рассрочку в течение 34 месяцев. Позднее 9 апреля 1791 г. новый декрет разрешал раздельный выкуп перед «Нацией» солидарных повинностей. Подобные меры ускоряли выплаты денег в казну и одновременно облегчали проблемы государства, не горевшего желанием долго вести хозяйственные дела с тысячами цензитариев. Но никаких «поблажек» тем, кто зависел от бывших сеньоров – частных лиц, не предполагалось. Законодатели опасались хоть как-то задеть «священную» индивидуальную частную собственность.

В антифеодальном законодательстве депутаты последовательно двигались в русле компромиссных решений, принятых 11 августа 1789 г., доработанных 15 марта и 3 мая 1790 г. Но поскольку крестьяне нередко яростно оспаривали эту линию, в том числе и с помощью правовых доводов, властям приходилось обнародовать дополнительные декреты, инструкции и разъяснения, защищавшие избранный курс.

Один из таких документов составлялся 27 октября 1790 г. Феодальным комитетом и стал ответом на запрос о том, как толковать положение

²⁸ Там же. С. 179–181.

²⁹ AP. T. 20. P. 124.

ния закона от 15 марта 1790 г. Кто должен доказывать правомерность или нет сохранных прав: сеньор или держатель? Последовал недвусмысленный ответ: «Феодальный комитет высказывает мнение, что согласно букве и духу статьи 2 раздела III декрета от 15 марта 1790 г. бывший сеньор, пользующийся добрым давним правом получения ренты с какого-либо участка земли, не нуждается ни в каких актах или особых документах для доказательства законности означенной ренты». Желая подсластить горькую для обязанных нести повинности пиллюлю, комитет оговаривал, что держатель может доказывать любыми способами незаконность платежей и в связи с этим «принудить» сюзерена «предъявить акты, касающиеся феодальной или сеньориальной зависимости», ибо они «считаются общими для сеньора и вассала»³⁰.

Самыми значимыми из новых документов, подтверждавших курс Учредительного собрания в отношении бывших сеньориальных прав, являлись декрет и инструкция от 15 июня 1791 г. Здесь отчетливо декларировались особенности подхода Конституанты: «признав со всей решительностью, что никогда ни один человек не мог стать собственником другого человека и что, следовательно, права, присвоенные одним человеком над личностью другого, никогда не могли стать собственностью первого, одновременно Национальное собрание самым определенным образом сохранило все полезные повинности и обязательства, возникшие в результате земельных уступок, и только разрешило осуществить их выкуп». Касаясь юридических вопросов, возникающих вокруг повинностей и выкупа прав, Ассамблея заявляла, что «для того, кто ими (этими правами – С.Б.) владеет, они считаются презумпированными как цена первоначальной земельной уступки... такая презумпция может быть опровергнута в результате доказательства противного, но такое доказательство противного должно быть представлено лицом, обязанным повинностями...» Таким образом, отвергались требования крестьян о предъявлении им «первоначальных» актов. Прежнему вассалу оставалось только платить, если он не желал выглядеть в глазах других, «как узурпатор не принадлежащей ему собственности, как недостойный гражданин».

В документе заметно сильное раздражение законодателей в отношении многих сельских муниципалитетов, не могущих обеспечить взимание повинностей и даже потакающих неплательщикам. На будущее предписывалось сообщать не только об отказывающихся платить, но «даже о членах муниципалитетов, которые в этом вопросе недобросо-

³⁰ Документы... Т. 2. С. 21–22.

вестно относятся к исполнению порученных им обязанностей...» Встал вопрос и о применении военной силы для подавления восстаний. Директории департаментов и дистриктов обязывались привлекать на помощь национальной гвардии регулярные войска³¹.

Жесткая позиция властей не встретила понимания у сельской массы. В феврале 1792 г. вспыхнула «пятая жакерия», опять затронувшая юго-западные районы Франции, в частности, уже упоминавшийся департамент Ло. Она охватила и области центра и Юга, в том числе известные своей бедностью Лимузен и Овернь.

Но быть может недовольство и протесты одних крестьян сочетались с удовлетворенностью других в связи с процессом выкупа сеньориальных прав? Изучение выкупных операций позволяет сделать некоторые выводы. Значимо исследование Ж.-Н.Люка по департаменту Нижняя Шаранта, включавшему прежде области Они и Сентонж, остров Ре и небольшую часть Ангумаа. Касаясь выкупа повинностей у частных лиц, автор выявил на территории департамента 349 таких случаев³². В том, что речь идет об относительно небольшом количестве, убеждает другая цифра, касающаяся той же Нижней, или иначе Приморской Шаранты. Одновременно в архивах найдены 3185 квитанций о выкупе простых поземельных (а не связанных с сеньориальными отношениями) рент³³. Разница впечатляет. Ясно, что население, и прежде всего сельское, не рвалось выкупать права сеньоров, считая их несправедливыми и надеясь на недолговечность. Показательно и другое. Выкуп непосредственно у сеньоров осуществлялся чуть ли не на 2/3 (64%) горожанами, деревенские жители задействовались в 36% таких сделок. Но и среди последних преобладали торговцы, судейские, буржуа и другие лица, а не крестьяне. Тех было всего 29³⁴. Так что выкупные операции с сеньорами совсем не были характерны для крестьянской массы Приморской Шаранты.

Несколько иначе обстояло дело с выкупными действиями в отношении Нации. Они существенно облегчались возможностью раздельного выкупа фиксированных и случайных прав. Крестьяне обычно выкупали первые из них, ибо не собирались быстро продавать свои участки, избегая казуальных платежей. Контакты с государством, стремившимся срочно обеспечить приток средств в казну, были куда проще, чем

³¹ Там же. С. 26–29.

³² *Luc J.-N. Le rachat des droits féodaux dans le département de la Charente – Inférieure (1789-1793) // Contributions à l'histoire paysanne de la Révolution française...P.316.*

³³ *Ibid.* P. 330.

³⁴ *Ibid.* P. 324, 333.

с сеньорами, к которым крестьяне имели к тому же массу претензий, в том числе материальных.

Отсюда – заметно большее количество выкупов в отношении Нации. По отдельным дистриктам количество выкупных операций по прежним повинностям сильно разнилось. В Ларошели платежи были внесены 127 вассалами, в дистрикте Сен-Жан о желании откупиться объявили 583 человека, но не все эти дела были доведены до уплаты. Самым высоким показателем отмечен Сен-Мартэн-де-Пе – 1107 (но эта цифра включала выкупы не только сеньориальных, но и обыкновенных поземельных рент). Но и выкупные действия по сеньориальным правам в отношении Нации не получили ни повсеместного распространения, ни впечатляющего размаха. В доходы департамента от различных сделок с национальными имуществами (их продаж, сдачи в аренду, сбора бестелесных прав) они внесли скромную лепту, составив в 1791 г. 5,1%, а в 1792 г. – 10%. Показательно, что даже на острове Пе, известном наивысшей частотой выкупных операций, сумма выкупленного по правам на долю урожая составила 15% от всех существовавших на землях дистрикта подобных прав, а сумма уплаченного в соответствии с такой повинностью, как ценз – 25%³⁵.

Если в Приморской Шаранте выкупная кампания была все же вполне зримой, то в ряде областей она оказалась малозаметной. В работе Ф. Гужара об уничтожении феодализма в дистрикте Нёфшатель (Нижняя Сена) отмечается редкость выкупа бывших сеньориальных повинностей. У частных лиц данные права выкупили 35 человек, причем совокупно заплатили за это всего 2155 ливров, а у государства – лишь четверо. Автор приводит цифры по другим дистриктам департамента, и они схожи с полученными по рассматриваемому им району. Выкуп непосредственно у бывших сеньоров в дистрикте Гурне произвел 21 человек, в Дьеппе – таких было 22, а еще в трех округах освободили свои земельные участки по 4 вассала в каждом. Выкуп в отношении Нации осуществили 4 человека в Кани, 10 – в Дьеппе, 24 – в Кодебеке и только в Монтвийе – 60³⁶. Любопытна хронология выкупных операций: как и в Нижней Шаранте, их пик приходился на первую половину 1792 г., когда реальная стоимость ассигната упала на 1/3.

Еще более удивительные цифры получены в департаменте Верхняя Вьенна. Это близко расположенный к Нижней Шаранте район преж-

³⁵ Ibid. P. 330–332.

³⁶ Goujard Ph. Op. cit. P. 367, 369.

ней провинции Лимузен. Здесь совсем не обнаружены выкупы сеньориальных прав у частных лиц, а у Нации таковых насчитали меньше двадцати³⁷.

В чем же причины относительной неудачи выкупной кампании? Конечно, для многих крестьян операция представлялась чересчур дорогой, особенно в отношении частных лиц, поскольку не предусматривала ни раздельного выкупа, ни рассрочки. У зажиточных «пахарей» был другой мотив для отказа от выкупных сделок. Они стремились расширить земельные угодья, прикупив национальных имуществ. Именно на это крепкие крестьяне готовы были потратить средства, а не на выкуп того, что и так считали своим. Показательно, что нормальные поземельные ренты крестьяне охотно и без всяких протестов выкупали.

Крестьянское движение, развернувшееся в стране после 14 июля 1789 г., заставило депутатов Учредительного собрания поторопиться с решением аграрного вопроса. Содержание нового законодательства было обозначено уже декретом от 11 августа. Оно получило развитие в актах, принятых 15 марта и 3 мая 1790 г. Результатом стало падение иерархической системы землевладения и утверждение индивидуальной частной собственности на землю. Это расширяло возможности для социального прогресса. Одновременно благодаря секуляризации церковных владений и переходу к государству земель королевского домена сложился огромный фонд национальных имуществ, предназначенный для распродажи частным лицам. В связи с отменой церковной десятины и личных повинностей улучшилось материальное положение крестьянства. Принципиально иным сделалось и духовное самочувствие ставших равноправными людей.

Но значительная часть прежних сеньориальных повинностей сохранялась. Парламентарии рассматривали так называемые реальные права как обыкновенную частную собственность и поэтому их защищали. Отталкиваясь от этой твердой позиции, депутаты требовали неукоснительного выполнения бывших сеньориальных повинностей и установили высокую цену выкупных операций. Они приняли презумпцию в пользу прежних сеньоров.

Со своей стороны, крестьяне нередко бурно протестовали против таких законов и оспаривали установившуюся на их основе практику. Французское общество взрывали происходившие одна за другой «жа-

³⁷ *Garraud P.* Le rachat des droits féodaux et des dimes inféodées en Haute Vienne. Poitiers, 1939. P. 95–101.

керию». Многие селяне действовали иначе: предпочитали пассивную тактику, бойкотировав внесение ежегодных платежей. Ненависть направлялась прежде всего против сеньоров. Но постепенно и Учредительное собрание стало раздражать крестьянство. Подавление сельских выступлений воинской силой существенно осложнило и без того непростые отношения деревенской массы с новой властью. Это подрывало позиции Ассамблеи и сыграло определенную роль в крушении планов направить революцию в мирное русло на основе конституционной либеральной монархии.

Список литературы

- Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. [*Ado A.V. Krest'jane i Velikaja francuzskaja revoljucija.* М., 1987].
- Блуменау С.Ф.* Правовые отношения вокруг сеньории во Франции Старого порядка // *Право: история, теория, практика.* Выпуск 3-й. Брянск, 1999. [*Blumenau S.F. Pravovye otnoshenija vokrug sen'orii vo Francii Starogo porjadka // Pravo: istorija, teorija, praktika.* Выпуск 3-й. Врjansk, 1999].
- Документы истории Великой французской революции. М., 1992. Т. 2. [Dokumenty istorii Velikoj Francuzskoj revoljucii. М., 1992. Т. 2].
- Кареев Н.И.* Великая французская революция. М., 2003. [*Kareev N.I. Velikaja francuzskaja revoljucija.* М., 2003].
- Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М., 2001. [*Chartier R. Kul'turnye istoki Francuzskoj revoljucii.* М., 2001].
- Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1787–1799). P., 1862–1913. Т. 1–82.
- Garraud P.* Le rachat des droits féodaux et des dimes inféodées en Haute Vienne. Poitiers, 1939.
- Goujard Ph.* L'abolition de la féodalité dans le district de Neufchâtel (Seine-Inférieure) // *Contributions à l'histoire paysanne de la révolution française.* P., 1977.
- Lefebvre G.* La Grande Peur. P., 1932.
- Lemarchand G.* La Fin du féodalisme dans le pays de Caux. P., 1989.
- Luc J.-N.* Le rachat des droits féodaux dans le département de la Charente – Inférieure (1789-1793) // *Contributions à l'histoire paysanne de la révolution française.* P., 1977.
- Taylor G.* Les cahiers de 1789: Aspects révolutionnaires et non-révolutionnaires // *Annales. Économies. Sociétés. Civilisations.* 1973. № 6. P. 1513.